

Артист носил в основном берет, но на этом дружеском шарже запечатлен в такой вот красочной тюбетейке.

Смешное и смех — не одно и то же. Есть множество комических актеров, которые почти не улыбаются в кадре или на сцене, — вспомнить хоть Бастера Китона. И народный артист РСФСР Сергей Филиппов, кажется, всем своим видом воплощал этот парадокс. Огромный рост, худоба, суровое, грубой лепки лицо, хриплый голос... При этом невозможно не смеяться, видя его капрала-скорохода в «Золушке» («Как же без примерки?»), слушая пьяные разглагольствования его лектора из «Карнавальной ночи» насчет жизни на Марсе и звездочек; наблюдая за шевелением усов его Кисы Воробьянинова или глядя на уморительную серьезность шведского посла в гайдаевском «Иване Васильевиче». И еще можно вспомнить много, много других ролей...

Но о самом актере, о человеке под маской, мы вспоминаем не так часто.

24 года назад, 19 апреля 1990 года, Сергей Николаевич Филиппов умер. По поводу его кончины ходили слухи — мол, умер в нищете, труп лежал дома две недели...

— Все было не так, — рассказывает Марина Владимировна Попова. Она — внучка второй жены Филиппова, детской писательницы Антонины Георгиевны Голубевой. Мы поговорили с ней не только о смерти, но и о жизни артиста. Тем более что у нее сохранилось множество памяток об этой жизни: письма, сочинения, личные вещи, мебель и картины.

ДЯДЯ СЕРЕЖА

— Родных своих дедушек я не застала. У меня был только он, — рассказала Марина Владимировна. — Но его я тоже звала не дедушкой, а дядей Сережей.

Он очень гордился, что его родители были простыми людьми. Вот старая книжка 1962 года о его жизни: «Детство и юность Сергея Николаевича прошли в Саратове. Отец, слесарь Филиппов, был опытным мастером. Невысокий, кражистый, молчаливого крутого нрава, он славился своей необыкновенной силой. Ему ничего не стоило проделывать все традиционные штуки силачей: завязывать узлом кочергу, сгибать подковы и рубли. Впрочем, рублей для такой забавы было недостаточно...»

Действительно, папа у него был очень талантливый слесарь. Работал на гвоздильном заводе. Хозяин настолько его ценит, что послал на год учиться в Германию. Вернулся тот «при жилетке и часах с цепочкой, что сделало его неотразимым в глазах молодых жительниц саратовской окраины».

Но Сергей больше походил на мать. Она была кружевницей и портнихой. Я помню, он рассказывал, что помогал ей делать пуговицы. А она давала ему деньги на мороженое.

Вообще детство у него было сложное. Приходилось как-то подрабатывать. Саратовские мальчишки, и Сергей тоже, разгружали арбузы с дощанков, то есть с барж. За это можно было взять столько, сколько унесешь. Один арбуз они ели сами, другой уносили домой. В школе он был хулиганом. Но некоторые предметы интересовали его всерьез: литература и химия. Вот за эксперимент с соляной кислотой и опилками, после которого по всей школе был ужасный запах, его исключили — незадолго до окончания школы.

В Саратове была безработица. В конце концов он смог стать помощником пекаря: таскал мешки и выполнял черную работу. Потом — на заводе отца нагревательщиком заклепок...

«НЕ БУДЕТ ФИЛИППОВА, НЕ БУДЕТ И МЕНЯ!»

— А когда Сергей Николаевич заинтересовался искусством?

— К этим делам у него поначалу не было особого интереса. Вот в книжке: «Театр у Сережи вызвал горькое разочарование. Давали «Ревизора». В течение всего вечера мальчика не покидало острое ощущение, что он подглядывает чужую жизнь, и после каждого акта ему хотелось уйти домой. Следующая встреча с искусством произошла на спектакле «Царь всея Руси». Тут уж показывали совсем бог знает что. На глазах у всего зала царь убивал большим ножом младенца, и было видно, как с ножа стекала кровь. Это зрелище потрясло Сережу. Явно безопасней было уйти. Кто знает, что еще выдумает царь? Может быть, одного младенца ему мало?»

Но в какой-то момент Филиппов наткнулся на балетную студию и поступил туда. Его хвалили за успехи, руководительница считала его безусловно одаренным и посоветовала ехать учиться в Москву. Родители протестовали, но Сергей продал часть своих инструментов, убедил

На личном приеме член Верховного суда мне сказала: «Мне просто за нас стыдно — что такому известному человеку на тридцати метрах не дали сделать музей».

мать добавить ему три рубля и отправился в Москву. С тех пор он в Саратове практически не бывал.

Беда была в том, что в училище Большого театра прием был уже закончен. Тогда Филиппов отправился в Ленинград. По дороге потерял кепку. И как он говорил, с фанерным баулом, полбуханкой хлеба, полотном и кружкой осенью 1929 года, семнадцати лет, приехал в Ленинград.

Но в Хореографическом училище заня-

«Не дай бог, книжку, ее почитать»

«Они были особенные люди. Жили друг для друга и ни в ком больше не нуждались».

тия тоже уже начались. Правда, в общении ему все-таки дали койку.

А на Моховой, 34, в те дни как раз открылся Эстрадно-цирковой техникум. Директор техникума Евгений Гершуни принял Филиппова на балетное отделение.

Стипендия была 28 рублей, на общежитие шли пять, а три — на государственный заем. Денег ни на что не хватало. Ночью студенты разгружали суда в Ленинградском порту, а утром бежали на занятия. Вот тут у него все получалось превосходно. Ноги у него были невероятно мощные, превосходной формы — этим он всегда гордился. Рассказывал, что было такое упражнение: поднять роуль ногой, и он это делал запросто.

И его педагоги, знаменитые балетмейстеры Петр Гусев и Федор Лопухов, предрекали ему блестящую будущность в балете. Но Филиппова постоянно отчисляли за прогулы. Спасал всегда Гусев. Он ставил перед учебной частью ультиматум: «Не будет Филиппова, не будет и меня!»

Гусев потом рассказывал: «Для классического танцовщика ему было отпущено все: прыжок, жест, сила, в поддержке он был лучше всех. Но вся атмосфера классического балета с его возвышенными и романтическими чувствами претила ему. То ли оттого, что природа обделила его красотой, то ли оттого, что он не находил здесь выхода своему комедийному дарованию. Я вынужден был иногда выгонять Филиппова из класса за то, что он пародийно выполнял упражнения. Стихия комического открывалась в нем с огромной силой».

Он пытался перейти в Хореографическое училище, но не сошелся с Вагановой: Агриппина Яковлевна не терпела самовольства, а Филиппов был обидчивый человек.

Эстрадно-цирковой техникум просуществовал недолго, всего три года. В числе выпускников был и Филиппов. На выпускном вечере он исполнил танец «Веселый Джим» — это была его первая театральная роль.

Его приняли в труппу Театра оперы и балета. Но балетная карьера быстро закончилась — из-за проблем с сердцем. Он станцевал свой второй спектакль, и ему стало плохо. Врачи приехали, сказали, что это сердечный приступ, и посоветовали уйти из балета. Тогда его взял к себе в Театр Комедии Николай Павлович Акимов. И терпел его, сколько мог...

— Почему «терпел»?

— Потому что Сергей Николаевич выпивал. Вот даже я помню: сколько мы с ним ездили на гастроли, он в буфете просит чайку. Ему нальют полстаканчика с ложечкой, он сидит, пьет. А там коньяк на самом деле. Дело в том, что бабушка за ним следила и убергла его. Если бы не это, он давно бы умер. У меня сохранились его записки, где он бабушке торжественно клянется, что пить не будет.

— Мы дошли до ленинградского периода жизни вашего деда, и я не могу не спросить по поводу той известной фотографии, сделанной в блокаду...

— На фотографии точно не Филиппов. Посмотрите на руки — совсем другие пальцы. Дело в том, что в блокаду Театр Комедии был эвакуирован в Сталинабад — Душанбе вместе со всеми сотрудниками.

БАРАБУЛЬКА И ДОЛГОНОСИК

— Когда Сергей Филиппов познакомился с вашей бабушкой?

— Сначала он женился на своей знакомой по Эстрадно-цирковому техникуму Алевтине Горинович, она родила ему сына. Но потом ушел от нее. А с Антониной Голубевой они встретились в 1944 году. Я не знаю точно, как это было. Но рассказывают, что он в тот момент жил в номерах в «Астории». Обедал в ресторане. И какой-то пьяный хулиган вроде бы с ним затеял драку и попал вилкой в руку. А она повела его к себе домой и оказала первую помощь.

— Писали, что у них разница в возрасте была чуть ли не двадцать лет...